

вень счастья». Одним из таких факторов, например, является сила семейных связей, которая, как правило, положительно влияет на чувство удовлетворенности жизнью¹ и отрицательно коррелирует с проявлением депрессивных симптомов².

Резюмируя, Н. Ли и С. Каназава отмечают, что более внимательное отношение к поднятым в статье вопросам даст социальным исследователям возможность лучше понять, что по-настоящему делает современного человека счастливым и удовлетворенным жизнью.

М.А. Ядова

2020.03.006. РУМПАЛА Я. КАКОВО МЕСТО «СЧАСТЛИВОГО САМООГРАНИЧЕНИЯ» ИЛИ «ГЕДОНИЗМА УМЕРЕННОСТИ» В МИРЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ? МЕЖДУ (ВО)ССОЗДАНИЕМ ЭТОСА И НЕРАЗРЕШЕННЫМИ ЗАТРУДНЕНИЯМИ.

RUMPALA Y. Quelle place pour une «sobriété heureuse» ou un «hédonisme de la modération» dans un monde de consommateurs? Entre (re)construction d'un ethos et tensions non résolues // L'Homme & la Société. – 2018. – N 3. – P. 223–248.

Ключевые слова: умеренность; «счастливое самоограничение»; потребление; общество потребления; удовольствие; счастье; «альтернативный гедонизм»; этос.

В связи с негативными последствиями функционирования общества потребления становятся распространенными призывы к умеренности и самоограничению в потреблении. Однако большей частью общества они воспринимаются с недоверием из-за присутствующих в них коннотаций лишений и жертв. Одновременно намечаются попытки перезагрузить значения этих понятий, убрав негативный подтекст и добавив элементы гедонизма. Рассмотрению этих тенденций посвящена статья Янника Румпалы (Университет Ниццы – Софии Антиполис, Франция).

¹ Schilling O., Wahl H.-W. Familiäre Netzwerke und Lebenszufriedenheit alter Menschen in ländlichen und urbanen Regionen // Kölner Zeitschrift für Soziologie u. Sozialpsychologie. – 2002. – Jg. 54, H. 2. – S. 304–317.

² Hammen C., Brennan P.A. Interpersonal dysfunction in depressed women: Impairments independent of depressive symptoms // J. of affective disorders. – 2002. – Vol. 72, N 2. – P. 145–156.

Британский философ Кейт Сопер в своих работах отмечает распространение такого феномена, как «альтернативный гедонизм»¹, и выстраивает его теоретическое обоснование. Она отстаивает не только возможность иных образов жизни кроме существующего в рамках общества потребления, но и (с учетом того, что позитивная перспектива выглядит в глазах людей более привлекательно, чем морализаторские уговоры бросить проблемные виды поведения) то, что они могут доставлять не меньшее удовольствие. Это аргументируется тем, что принятие новых принципов даст людям доступ к иным источникам радости, не связанным с материальными ценностями. В том же идейном направлении достаточную известность приобрел Пьер Раби², продвигающий, в частности, понятие «счастливого самоограничения» («sobriété heureuse»), связанное с критикой современности и призывом к «возврату к земле»³.

Подобные подходы ставят под сомнение концепции благополучия, связывающие его исключительно с материальными благами, и, соответственно, определенный экономический порядок. Часто эти идеи формулируют в форме лозунга: «меньше вещей, больше друзей» («*moins de biens, plus de liens*»), суть которого – в переходе от озабоченности обладанием к иным ценностям, например связанным с человеческими отношениями. Такие предложения подразумевают, что прежние потребительские практики, наносящие ущерб природе, могут быть оставлены ради иных ценностей и при этом образ жизни людей существенно не пострадает. Эти идеи продвигают новую концепцию «хорошей жизни», основанную на этосе, противостоящем обществу потребления.

¹ См., напр.: *Soper K. Troubled pleasures: Writings on politics, gender and hedonism.* – L.: Verso, 1990; *Soper K. Alternative hedonism, culture theory and the role of aesthetic revisioning // Cultural studies.* – 2008. – Vol. 22, N 5. – P. 567–587; *The politics and pleasures of consuming differently / Ed. by K. Soper, M. Ryle, L. Thomas.* – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

² Французский эссеист, писатель, фермер, лектор и эколог, основатель движения Colibris (первоначально Mouvement pour la Terre et l'Humanisme) и представитель политического и научного движения агроэкологии во Франции. – *Прим. реф.*

³ См., напр.: *Rabhi P. Vers la sobriété heureuse.* – Arles: Actes Sud, 2010.

Однако, по мнению Я. Румпалы, данные предложения, как правило, не учитывают социальные и экономические трудности на пути достижения поставленных целей, предполагая, что путь от изменения индивидуального поведения до смены экономической системы вполне преодолим. В своей статье французский исследователь ставит цель оценить эти идейные течения с методологической точки зрения, проанализировать их логику и определить их воздействие, а также их потенциальное социальное значение. Он опирается на методику, предложенную Э.О. Райтом¹ для оценки альтернативных социальных теорий. Их реалистичность предлагается определять по трем критериям: желанности (*désirabilité*), жизнеспособности (*viabilité*) и осуществимости (*réalisabilité*). То есть «альтернативный коллективный проект, чтобы осуществиться, должен опираться на: ценности (более или менее структурированные и достаточно привлекательные); условия (скорее благоприятные); стратегии (адаптированные к этим условиям)» (с. 227).

Далее автор рассматривает сущность исследуемых концепций. Парадоксальные формулировки «счастливое самоограничение», «гедонизм умеренности» или «скромное изобилие» (*«abondance frugale»*), связанные с более радикальным подходом, призывающим к антиросту (*décroissance*)², с одной стороны, выражают желательное видение мира, с другой – представляют собой дискурсивный способ изложения позиций, позволяющий распространять идеи и привлекать сторонников. Основной вопрос – каким образом эти идеи воспринимаются в обществе, чем они могут привлекать людей, способны ли они изменить коннотацию понятия «умеренности» с негативной на позитивную. В поисках ответа автор обращается к роли дискурсивных стратегий в выстраивании социального порядка, ссылаясь на идеи М. Фуко. Изменения в обществе происходят в том числе через дискурс, и поединок дискурсов выражает борьбу за влияние и возможность развития общества в определенном направлении. «Соппротивление доминирующей в обществе концепции, чтобы отстоять иной образ жизни, заключается среди прочего и в том, чтобы создать дискурс, который бы

¹ Wrigth E.O. Envisioning real utopias. – L.: Verso, 2010.

² См.: Latouche S. Vers une société d'abondance frugale: Contresens et controverses de la décroissance. – P.: Mille et une nuits, 2011. – (Les petits livres; N 76).

предлагал иное видение мира...» (с. 230). Таким образом, по мнению автора, «озвучивание парадоксальных формулировок представляет собой дискурсивную борьбу, ... в ходе которой оспариваются представления, структурирующие и определяющие коллективные представления» (там же).

На сегодня сложность критики общества потребления заключается, по убеждению французского исследователя, в возможности предложить жизнеспособный альтернативный образ жизни, на роль которого и претендуют «счастливое самоограничение» и «альтернативный гедонизм». При этом содержащийся в формулировках намек на жизнерадостность предупреждает возможную критику в отношении этих концепций, относящуюся к идее самоограничения, которая вряд ли может привлечь массовых последователей, ассоциируясь с отказом от материального благополучия, с жертвами и лишениями.

Анализ «альтернативного гедонизма», проделанный К. Сопер, показывает, что некоторая доля населения проявляет неудовлетворенность избыточными формами потребления, пересматривает их и пытается выработать иное отношение к потреблению. Отчасти это происходит из-за недовольства напряженным стилем и ритмом жизни в обществе потребления, вызывающими стресс, усталость, фрустрацию. Выбор в пользу более сдержанного потребления подкрепляется предположением, что оно будет приносить не меньшее удовлетворение. На индивидуальное отторжение чрезмерного потребления могут накладываться этические соображения. Оно выглядит не только как трудно поддерживаемое и неприемлемое с социальной и экологической точек зрения, но и как препятствие на пути человека к личной самореализации. Подобная гражданская позиция наблюдается в том числе среди зажиточных потребителей.

Разбирая представления, связанные с «альтернативным гедонизмом», К. Сопер отмечает не только критику консьюмеризма, но и акцент на удовольствиях, в том числе сенсорных. Эволюция антиконсьюмеризма сулит большее место в жизни людей радостям в том числе от творческой деятельности. Сопер полагает, что движущей силой «альтернативного гедонизма» скорее может быть поиск новых форм удовлетворения от жизни, нежели экологическое сознание. Что касается удовольствий, которые может доста-

вить общество потребления, она считает маловероятным, что сегодня оно способно усилить ощущение благополучия и счастья у людей. Период, когда оно могло давать подобное ощущение, представляется ей пройденным.

Говоря об удовольствиях «альтернативного гедонизма», британский философ видит их ценность в личном опыте тех, кто преодолевает потребительство, приводя в качестве символического примера радость от ходьбы пешком или езды на велосипеде по сравнению с перемещением на автомобиле. Таким образом, забота об окружающей среде будет связываться не с тягостным самоограничением и необходимостью постоянно заботиться об этичности своих поступков, а с открытием новых возможностей, ощущений, смыслов. Повторное открытие потребителями этих простых радостей поможет, по ее мнению, почувствовать мир по-иному.

Пьер Раби и возглавляемое им движение «Колибри» проповедуют идеи гражданского общества, активного гражданского участия, агроэкологии, а также релокализации экономики, экостроительства, совместного управления жильем (*habitat participatif*). В своих работах Раби критикует прогресс и связанный с ним образ жизни и призывает восстановить контроль над условиями жизни людей, апеллируя к мудрости прежних времен. В отношении с окружающей средой он призывает не брать сверх необходимого. В этом контексте «счастливое самоограничение», напоминая, по мнению автора статьи, идеи христианства, трактуется как простая скромная жизнь, дающая ощущение блаженства. Это понятие связано, в представлении Раби, с добровольным самоограничением и может привести к справедливости и равенству. Однако для этого к умеренности потребления должен стремиться каждый, и она должна охватить весь мир. Она, по его мнению, должна заменить логику стремления к получению прибыли, и тогда возможна смена парадигмы. Раби видит значительную роль педагогики и школы в приобщении к этим идеям.

Идеи П. Раби, часто излагаемые с опорой на личный опыт, могут показаться недостаточно оригинальными при сопоставлении их с духовной и философской традицией, считает Румпала. Обретение счастья путем контроля своих желаний и / или ограничения своих потребностей переключается, по мнению автора, с ценностями, связанными с идеологией опрощения (*simplicité volontaire*),

а также с критикой общества потребления, идеями защиты окружающей среды и даже политической экологии. Он также упоминает среди схожих концепций в большей мере тяготеющий к экологии проект «самоограничения» Андре Горца, призывающий к возвращению потребностей к «стандарту достаточности» (*«notre du suffisant»*)¹, и философию Ивана Иллича. Оба концепта – «альтернативного гедонизма» и «счастливого самоограничения» – нельзя свести, по мнению автора, к «осознанному потреблению», поскольку они претендуют на большее, предлагая, приняв иное мировоззрение, изменить образ жизни в целом (на индивидуальном и коллективном уровнях).

Для оценки желанности моделей «счастливого самоограничения» и «альтернативного гедонизма», в соответствии с методикой Райта, автор статьи предлагает рассмотреть аргументацию в их пользу. Отмечается, что эти идеи идут дальше «зеленого» потребления и отличаются от идеологии опрощения параметром удовольствия, которому придается большее значение. Французский исследователь рассматривает принципы и моральные предпосылки для переориентации человеческого существования в данном направлении, идеи, на которые оно может опираться, отличные от необходимости идти на жертвы, предполагаемую концепцию потребностей, пересмотр человеческих желаний как индивидуального двигателя.

К. Сопер с 1990-х годов писала о появлении антиконсьюмеристских тенденций. В свою очередь П. Раби говорил о «внутренней эволюции (революции), ведущей нас к изменению самих себя, чтобы изменить мир» (цит. по: с. 236). Движение «Колибри» предлагает рассматривать «счастливую умеренность» как «политическую позицию и акт сопротивления в пользу земли, распределения и справедливости» (цит. по: с. 237). Сопер и Раби подводят нас к тому, что массовое потребление в контексте многовековой истории и разнообразия культур представляет собой лишь один из этапов. И если человеческие желания эволюционировали в направлении потребления, это доказывает, что они могут продолжить развиваться в дальнейшем, и приоритетом может стать не «иметь»,

¹ Gorz A. L'écologie politique entre expertocratie et autolimitation // Actuel Marx. – 1992. – N 2. – P. 15–29; Gorz A. Écologica. – P.: Galilée, 2008.

а «быть». Данные мыслители выступают против культуры материализма за большую простоту во всех областях существования.

В последние десятилетия, отмечает автор, восприятие счастья в развитых странах, похоже, действительно начинает меняться. Исследования фиксируют, что часть потребителей находят удовлетворение в снижении уровня потребления, употребляя меньше мяса, реже пользуясь автомобилем, отдавая предпочтение местным продуктам, способствуя переработке отходов и т.п.¹ Тем не менее, констатирует автор, подобные типы поведения остаются уделом меньшинства и даже могут отступать под воздействием других тенденций. Им противостоят такие факторы, как появление новых технологических продуктов, которые начинают восприниматься как необходимость; сохранение значимости демонстративного потребления; функция потребления как компенсаторного механизма на фоне усиления неопределенности и ненадежности существования в современном мире.

Второй критерий оценки социальной теории – жизнеспособность. Применительно к идее «счастливого самоограничения» в обществе потребления она кажется автору проблематичной. Предлагаемый путь – призвать потребителей осмыслить схему, по которой происходит потребление, задуматься о его последствиях и затем, начав контролировать свое потребление, перейти к осознанному потреблению. Однако усиление у индивида подобной рефлексии должно совмещаться с получением удовольствия. Насколько эволюция в данном направлении способна сформировать особый этос, сочетающий гедонистический подход и самоконтроль?

Чтобы выбор умеренности или самоограничения стал долгосрочной тенденцией, должны наличествовать благоприятные условия. Данный проект подразумевает развитие способности к рефлексии, чтобы индивид мог осмыслить свой образ жизни, потребности, чтобы расширение потребностей перестало выглядеть очевидным. То есть условия существования и способы их обеспечения должны стать предметом осмысления. Однако рутинное поведение, к которому относятся потребительские привычки, с

¹ См., напр.: Siounandan N., Hébel P., Colin J. Va-t-on vers une frugalité choisie? // Cahier de recherche Crédoc. – 2013. – N 302. – Mode of access: <https://www.credoc.fr/publications/va-t-on-vers-une-frugalite-choisie> (Accessed: 10.05.2020.)

трудом поддается изменению. К тому же влияние рекламы противостоит идеям умеренности и попыткам раскодировать общепринятое потребительское поведение.

Основу подобной рефлексии потребителей автор видит в открытости части из них этическим и экологическим соображениям, доводам о негативном воздействии неограниченного и безответственного потребления. Осмысление и информирование о негативных последствиях потребления способны привести к сопротивлению потребителей. Наконец, экзистенциальное недовольство обществом потребления также может подвести человека к антипотребительским позициям, которые в ситуации неудовлетворенности могут выглядеть как качественно иной путь. Слабые места индивида при выборе им умеренности в потреблении связаны как с сопротивлением фрустрации, могущей возникнуть в связи с поощрением обществом потребительского поведения, так и с потенциальными конфликтами с собственным окружением.

Расклад сил в современном обществе ставит потребителя, склоняющегося к умеренности, в проигрышное положение. Его этический выбор, оставаясь на индивидуальном уровне, становится тягостным. Такового легче придерживаться при наличии поддержки со стороны солидарных связей, проявляющихся в коллективных движениях. Рассмотрение имеющегося опыта указывает на «группы сознательной простоты» как на оптимальный тип поддержки, дающий возможность делиться информацией и опытом во время собраний и встреч, считает автор.

Наконец, осуществимость этих идей связана с тем, на что могут опереться люди, которых они привлекли. Если имеется в виду опора на символические или риторические ресурсы, то они должны обладать способностью противостоять инфраструктуре общества потребления, помогать потребителям преодолевать сформированные этим обществом зависимости.

Осуществимость идей умеренности в потреблении, даже при том, что они далеки от радикальных форм, связанных с отказом от цивилизации (анархо-примитивизм), представляется непростой. П. Раби и его сторонники в качестве стратегий предпочитают убеждение с помощью личных рассказов, примеров «правильного» образа жизни, которые могут служить вдохновляющими моделями. Однако трудно представить массовый исход горожан в сель-

скую местность, к чему он призывает. Другие инициативы в направлении умеренности кажутся более реализуемыми, как, например, у британской социальной сети, выступающей за добровольное ограничение индивидуальных выбросов углекислого газа и предлагающей в качестве необходимых мер уменьшение отопления, отказ от авиаперелетов, от индивидуальных автомобилей, от употребления мяса.

При оценке осуществимости данной модели автор напоминает, что потребительское поведение встроено в социальные и экономические структуры, которые обуславливают его и препятствуют попыткам отстраниться. «Экономические интересы, получающие выгоду от общества потребления, поощряют психологические механизмы, действующие в направлении, противоположном умеренности» (с. 241). Кроме того, преградой на пути умеренности становится то, что потребительские товары имеют символическую функцию социального признания. Трудно заставить отказаться от них, не представив что-либо взамен.

К. Сопер не только надеется, что «альтернативный гедонизм» сможет найти поддержку у властей, но и считает, что без этой поддержки он не получит развития. Действительно, именно они обладают рычагами как для ограничения проблемных практик, так и для поощрения желательных, чтобы, к примеру, ограничить автомобильное движение, сократить продолжительность рабочего времени или продвигать использование велосипедов.

Предлагая альтернативу доминирующей модели потребления, рассмотренные в статье «гедонизм умеренности» и «счастливое самоограничение» хотя и обещают доступ к неким формам удовольствия, предъявляют высокие требования к индивиду. Апеллируя к субъективному отношению к потреблению, они погружают его в борьбу с доминирующими в обществе нормами. Однако «теория социальных изменений, стоящая за этими предложениями, не учитывает мощи противостоящих сил, которые способны продуцировать доминирующий дискурс, влиять на поведение, ограничивать имеющиеся возможности» (с. 242).

В статье подчеркивается, что предлагаемая форма умеренности «неизбежно содержит этическую составляющую, поскольку кроме требования интроспекции она представляет собой разновидность отношения к миру. Иначе говоря, изменить свой образ

жизни означает также попытаться изменить мир» (с. 243). Автор невысоко оценивает ее шансы привлечь широкие массы населения в связи с сопротивлением инфраструктур потребления, тем более что последние толкают общество в противоположном направлении поощрения материальных желаний. Отмечается также, что подобные идеи порождают некое напряжение между уровнями действия: вызов делается на уровне индивидов, однако шанс достигнуть результатов выше на коллективном уровне. Кроме того, в отношении умеренности в потреблении остается нерешенным вопрос о том, чем ограничивается достаточное для индивида количество благ и с какого уровня начинается излишнее.

Е.Л. Ушкова